

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 19-го Июня 1911 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10322.

СВИДАНІЕ.

(Изъ лѣтнихъ миніатюръ).

Маленькая березовая аллеяка изъ деревьевъ, посаженныхъ лѣтъ пятнадцать назадъ, тянется черезъ темную сосновую рощу и производить впечатлѣніе нарядной игрушки, благодаря свѣтло-зеленой, похожей на кружево листвѣ, выдѣляющейся на угрюмомъ фонѣ хвой, и тѣмъ солнечнымъ лучамъ, которые, прорѣзывая листья березъ, скачутъ по ослѣпительно бѣлымъ стволамъ ихъ. На нижнихъ вѣткахъ качаются паутины, эти самодѣльные гамаки пауковъ; порою налетающей вѣтеръ рветъ ихъ, и хлопотливые кривоногіе пауки опять озабоченно начинаютъ плести свой гамакъ. Блѣдно и ярко оперенные птицы носятся среди деревьевъ. Гдѣ-то въ кустахъ, на лѣсной полянѣ, кукуетъ кукушка; но все тихо, ни одинъ любопытный голосъ не спрашиваетъ сїю птицу:

М. Н. Альбовъ,

писатель, скончавшійся 12 июня въ Петербургѣ.

И. В. Щегловъ,

писатель, скончавшійся въ Кисловодскѣ 3 июня.

— Кукушка, сколько лѣтъ мнѣ жить? Борисъ Петровичъ ходитъ взадъ и впередъ по березовой аллеѣ и думаетъ грустно:

— Никого и ничего. Должно быть, она не придетъ.

Прислушавшись еще разъ къ кукованию кукушки, онъ шепчетъ:

— Кукушка, кукушка, сколько часовъ мнѣ ждать?

Кукушка смолкаетъ.

— Ни одного!—радостно потираетъ руки Борисъ Петровичъ.—Слава Богу! Я такъ усталъ ждать.

Не успѣваетъ Борисъ Петровичъ порадоваться, какъ слѣдуетъ, а между дальнихъ деревьевъ мелькаетъ бѣлое

платье Вѣры Михайловны, которую Борисъ Петровичъ усталъ ждать. Проходитъ минута, двѣ минуты, и онъ видѣтъ милое лицо и цѣпочку отъ медальона, сверкающую на смуглой шейкѣ. Маленькая ножки въ желтыхъ ботинкахъ шмыгаютъ, какъ мышки, по низкой лѣсной травѣ. Надъ головой Вѣра Михайловна держитъ розовый зонтикъ не потому, чтобы ее беспокоило солнце, а потому, что розовый зонтикъ бросаетъ нѣжный отсвѣтъ на ея блѣдныя щеки. Завидя Бориса Петровича, Вѣра Михайловна дѣлаетъ пугливую мину, показывающую, что молодая женщина никакъ не ожидала встрѣтить его, въ высшей степени изумлена подобною встрѣчей и даже чувствуетъ маленький страхъ. Лѣсъ, тишина, уединенное мѣсто, и вдругъ—Борисъ Петровичъ! Старая исторія: женщины боятся всякихъ неожиданностей, темноты, пауковъ, мышей, лягушекъ и тому подобной дряни и не боятся разбивать сердца, полныя отваги, энергіи и любви къ человѣчеству.

Борисъ Петровичъ идетъ навстрѣчу Вѣрѣ Михайловнѣ.

— Это вы?—спрашиваетъ она съ испугомъ въ голосѣ, между тѣмъ, какъ ея черные глаза смигнутъ.—Это вы?!

— Это я.

Вѣра Михайловна дѣлаетъ шагъ назадъ, какъ будто хочетъ бѣжать, но раздумываетъ—въ сущности, опасность совсѣмъ уже не такъ велика—и остается.

— Какая неожиданная встрѣча!—говорить она меланхолично.

— Неожиданная?!—спрашиваетъ Борисъ Петровичъ.

— Ну, да; конечно же, неожиданная.

— Вы ошибаетесь: я жду васъ уже больше часа. Надѣюсь, вы получили мою записку?

— Какую записку?!

— Ахъ, Боже мой! Ну ту, которую я послалъ вамъ утромъ.

Вѣра Михайловна покачиваетъ головкой, между тѣмъ какъ глаза ея продолжаютъ смигать.

— Я не получала никакой записи.

Борисъ Петровичъ сраженъ, уничтоженъ; ничего подобного онъ не ожидалъ.

— Вы шутите?—говорить онъ смущенно.

— Не думаю шутить.

Молодая женщина равнодушно складываетъ зонтикъ, скользить взглядомъ по лицу Бориса Петровича, по верхушкамъ березокъ и говоритъ:

— Смотрите, какая нѣжно-зеленая листва! Когда я была маленькая, маленькая, старая няня рассказывала мнѣ, что солнце никогда такъ радостно не играетъ утромъ, какъ въ Свѣтлый

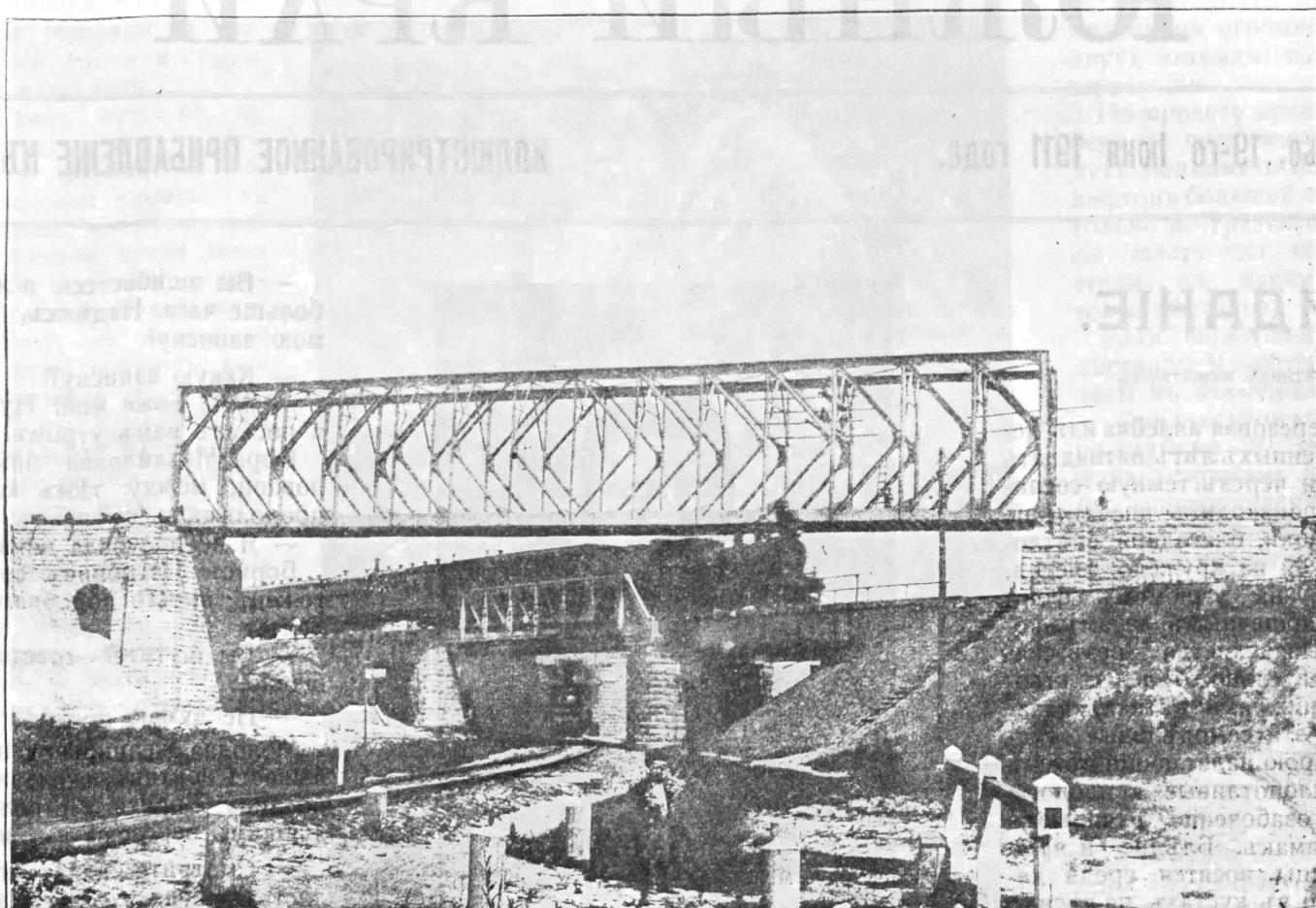

И. И. Миасницкій

(Барышовъ), юмористъ, скончался въ Москвѣ 2 июня.

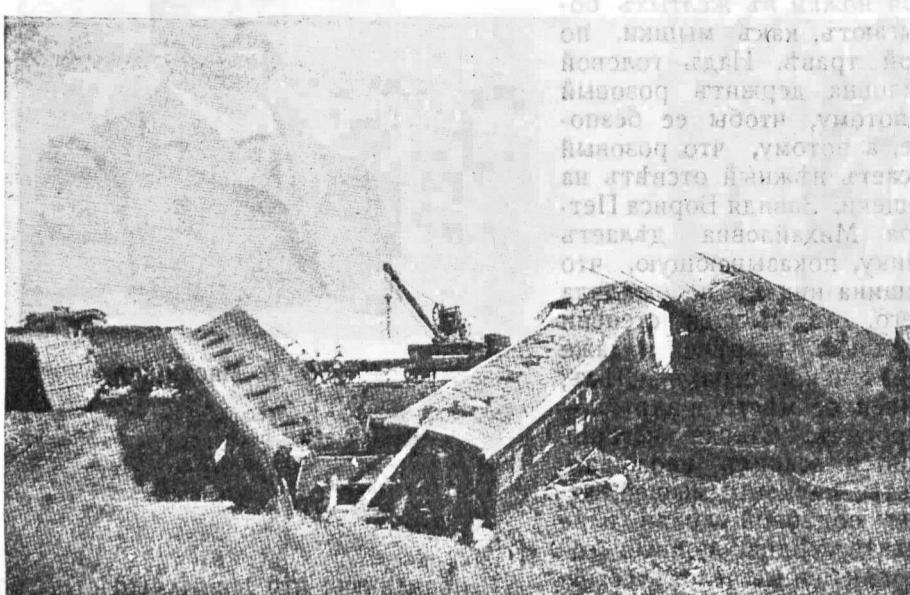
праздникъ; что грибы не растетъ больше, если его увидитъ человѣческій глазъ; что звѣзды блестятъ всего ярче въ ночь подъ Рождество, и что никогда не бываетъ на березкахъ такой нѣжно-зеленої листвы, какъ въ началѣ июня и въ маѣ. Кромѣ этого, она мнѣ рассказывала много еще кое-чего. Увы, я убѣдилась съ годами, что познанія доброй старушки въ естество-вѣдѣніи и астрономіи очень несовершенны, но относительно нѣжно-зеленої листвы березокъ, Борисъ Петровичъ, она права. Смотрите, какая прелестъ!..

— Прелестъ, прелестъ!—подтверждаетъ Борисъ Петровичъ восторженно.
— Но я бы хотѣлъ знать, гдѣ же она?

Скреcшиваніe подъ Харьковомъ З-хъ путей

линий желѣзныхъ дорогъ: "Южныхъ", "Юго-Восточныхъ" и "Сѣверо-Донецкой".
(Фотографія "Южнаго Края").

Желѣзодорожная катастрофа

2-го юна на Екатерининской желѣзной дорогѣ, близъ ст. Таганрогъ

— Кто она? — спросилъ Дарданъ.
— Моя записка.
— Ахъ, да, ваша записка. Право, не
знаю. Я думаю, съ ней произошло
легкое недоразумѣніе. Вы написали
записку мнѣ, а на конвертѣ, по при-
вычкѣ, поставили чей нибудь другой
адресъ; съ мужчинами, какъ я слыша-
ла, это бываетъ. Вотъ и все.

Вѣра Михайловна насыщливо за-
кусываетъ свою нижнюю губку.

— Не послали ли вы ее Аннѣ Ро-
мановнѣ? — спрашиваетъ она. — Я пом-
ню, третьего дня вы не отводили отъ
нея на дачномъ кругу очарованныхъ
глазъ цѣлый вечеръ.

— Это потому, что одна женщина

Памятникъ А. В. Суворову,

воздвигнутый въ Рымнику, въ Румыніи.

за весь вечеръ ни разу не взглянула на меня.

— Гм... Какая это женщина? Впро-
чемъ, впрочемъ, мнѣ все равно.

Они медленно идутъ по березовой
аллѣ; Вѣра Михайловна останавливается,
прикладываетъ розовый пальчикъ къ виску и тщетно старается
вспомнить что-то.

— Или, можетъ быть, вы послали записку этой артисткѣ... право, забыла ея фамилию; на прошломъ спектаклѣ вы такъ неистово аплодировали ей, что я пожалѣла... нѣтъ, нѣтъ, не ваши руки... я пожалѣла ваше сердце.

— Вѣра Михайловна, это была дань таланту. Ничего болѣе.

— Да, да. Ваша правда. Она очень талантливо играетъ... глазами. Прежде этого для артистки было нѣсколько мало, но, по нынѣшнимъ временамъ, нельзя не цѣнить и такую игру. Однако...

Молоденькая женщина чуть-чуть понижаетъ голосъ и смотритъ вверхъ на синее небо, какъ будто хочетъ спрятать отъ глазъ спутника съ своими черными глазами.

— Однако, будемъ говорить по существу, какъ это часто предлагаетъ на судѣ свидѣтелямъ нашъ общій другъ—Иванъ Родионовичъ. Ваша таинственная записка таинственно пропала. Но такъ какъ, оказывается, вы меня ждали, а благодаря глупой случайности я пришла сюда, то... что же, собственно, вы имѣете мнѣ сказать?

Борисъ Петровичъ думаетъ; думаетъ, впрочемъ, одно мгновеніе,—а затѣмъ, полузакрывъ глаза, чтобы не видѣть опасности, съ отчаянностью труса, рѣшающагося прыгнуть въ холодный омутъ, такъ какъ больше ему не остается ничего, говорить:

— Я люблю васъ, Вѣра Михайловна... вотъ что я хотѣлъ сказать вамъ.

Она молчитъ; глаза ея синяго неба перебѣгаютъ на темную землю; губки плотно скжаты.

— Я люблю васъ, Вѣра Михайловна... Солнце сияетъ мнѣ только тамъ, куда приходите вы. Я готовъ цѣловаться ту вещь, которой коснется ваша рука; я готовъ цѣловаться траву, по которой ступали ваши маленькая ножки.

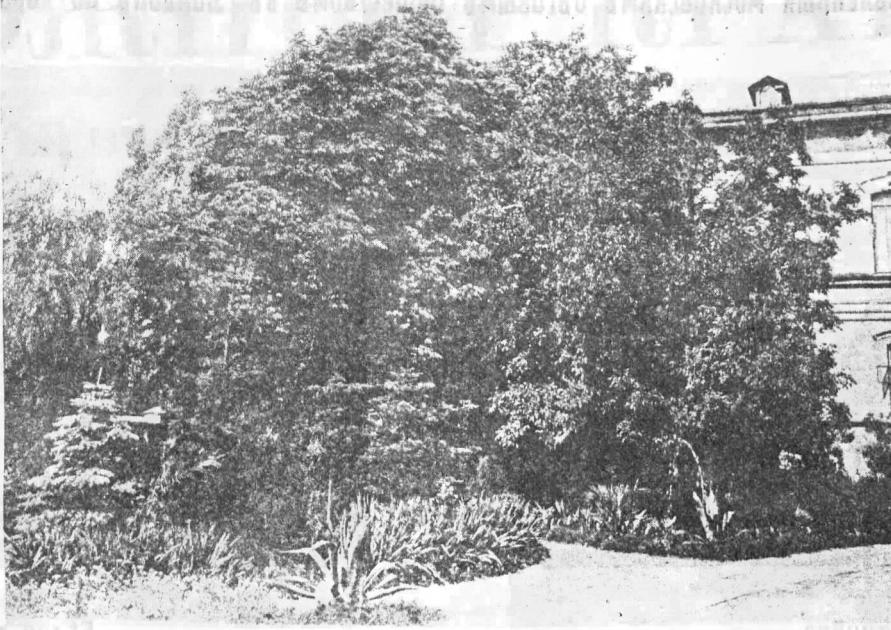
— Да, вы правы. Ноги у меня маленькая, маленькая,—шепчетъ Вѣра Михайловна.

Она отвертывается и тихо смѣется, и въ смѣхѣ ея Борисъ Петровичъ слышитъ любовь и счастье; вотъ почему она такъ тщательно прячетъ свое лицо.

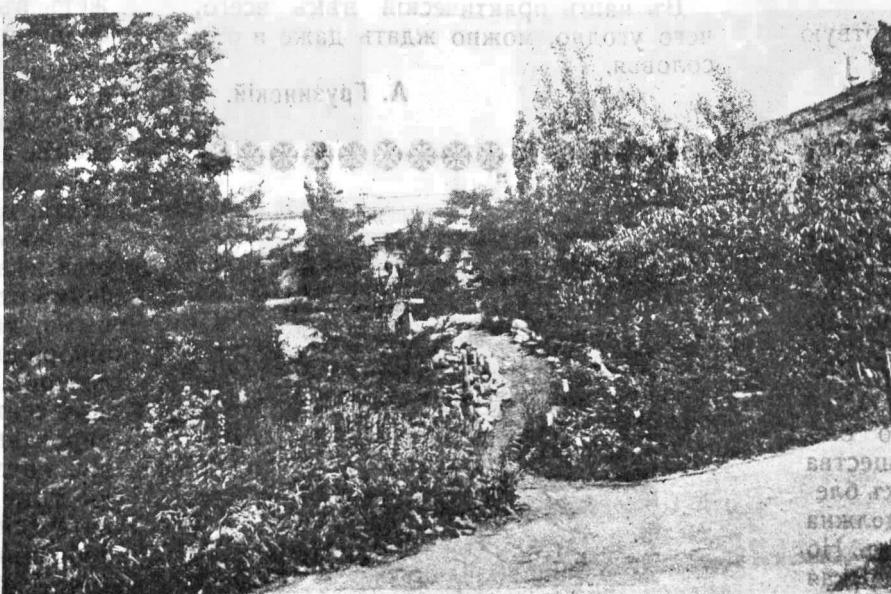
— Вѣра, ты меня любишь?—спрашиваетъ онъ.

Его губы тянутся къ ея лицу, а рука къ ея талии.

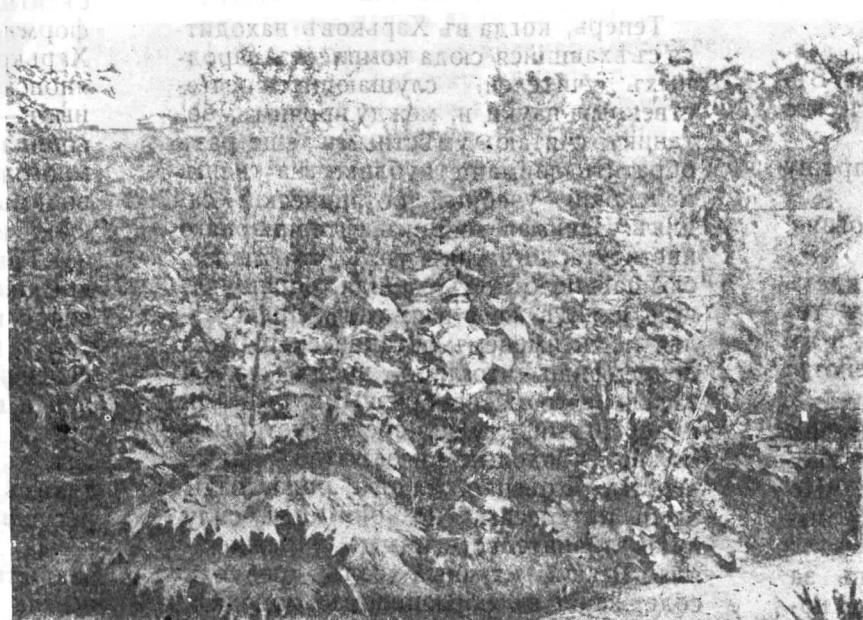
— Вы съ ума сошли?—вскрикиваетъ она.—Какъ вы смѣете...

Старѣйшие въ Харьковѣ каштанъ и волошкій орѣхъ
въ саду ветеринарного института.

Горка альпійскихъ и степныхъ растеній
въ саду ветеринарного института.

Группа гречишныхъ.

Ревень и Сахалинская гречиха въ саду ветеринарного института.

Онъ пугливо отдергиваетъ руку.

— ...Мять мое кружево?—договоряется она.

Обжегши поцѣлуемъ его губы, она шепчетъ, краснѣя:

— Я не хочу, чтобы, когда я пойду на дачу, дачники указывали на меня пальцами и говорили: „вотъ женщина, которую только сейчасъ обнимали въ лѣсу“. Развѣ можно быть такимъ неосторожнымъ, мой глупый?

Черезъ пять минутъ они сидятъ рядомъ на поваленномъ бурей стволѣ большой старой сосны, сидятъ не слишкомъ близко другъ къ другу, чтобы не пострадало ея кружево; Борисъ Петровичъ цѣлуетъ маленькая руки молодой женщины и шепчетъ нѣжно:

— Какое счастье!

— О, да.

— Не правда ли, небо какъ будто стало синѣе, и солнце ярче, и зелень березокъ еще нѣжнѣе, и птицы еще слаще поютъ надъ нами?

— Да, да.

— И всѣ печали кажутся ушедшими въ вѣчность. Ревизія нашего Общества не давала мнѣ спать уже много ночей, а теперь всѣ ревизії въсвѣтѣ мнѣ представляются пустяками.

Поцѣлуй зажимаетъ губы Бориса Петровича.

— Милый, милый!—звукить надъ его ухомъ.

— Ты не знаешь все же, чѣмъ кончилось дѣло?—счастливымъ голосомъ спрашиваетъ онъ.— Мужъ не говорилъ тебѣ, что нашель ревизующій насъ сенаторъ?

— Массу упущеній.

— Ха-ха-ха... Какой это далекій, далекій вздоръ.

— Но прямыхъ злоупотребленій, кажется, нѣтъ. Правленіе едва ли попадетъ подъ судъ, мой милый.

— Богъ съ нимъ, съ правленіемъ! Будемъ, вмѣсто того, чтобы говорить, цѣловаться: одинъ поцѣлуй можетъ сказать больше, чѣмъ тысяча словъ. Будемъ цѣловаться, мое сокровище. Не все ли равно, — попадеть ли подъ судъ правленіе, или ему придется только подать въ отставку?

— Да, да... Насчетъ отставки мужъ кое-что говорилъ. Онъ говорилъ, что пѣсенка правленія спѣта.

— Вотъ какъ?!

— Спѣта, мой милый. Но... кончимъ говорить о ревизіи. Это скучно! Я хо-

Русскія тройки, отправленныя московскимъ бѣговымъ Обществомъ въ Лондонъ на коронаціонныя состязанія.

Вороная тройка.

Чу смотрѣть въ твои глаза и цѣловать твои губы. О, если-бы ты зналъ, какъ я люблю тебя!

— Меньше, чѣмъ я.

— Больше.

— Нѣтъ, меньше.

— Больше. Ради тебя я жертвую своимъ счастьемъ въ игрѣ.

— Какъ это?

— Я забыла и думать, какія бумаги я буду покупать на завтрашней биржѣ. Да не все ли равно? мнѣ уже теперь не можетъ везти на биржѣ. Ты знаешь пословицу: „Кто счастливъ въ любви“ и т. д.

— Вздоръ. Покупай синеморскія акціи, и тебѣ повезетъ, несмотря на мою любовь.

— Ты думаешь, онъ должны подняться?

— Я не думаю, я знаю, что онъ поднимутся. Еще бумагъ Общества „Сѣверный полюсъ“ купи. У нихъ блестящая будущность. „Авиата“ должна тоже принести хороший дивидендъ. Но всего выше взлетитъ „Верхоторская компания“.

— Вотъ какъ?

— Покупай всего больше бумагъ „Верхоторской компаніи“.

— Хорошо. Хотя не все ли равно для меня—проиграю я или выиграю? Вѣдь, я не буду счастливѣе, чѣмъ теперь.

— Вѣра!

— Борисъ!

— Какое счастіе—наша любовь, Вѣра! Увы, до сихъ поръ я не зналъ, что такое—счастье.

— Я тоже... Хотя все-таки, прошу тебя, не мни мои кружева.

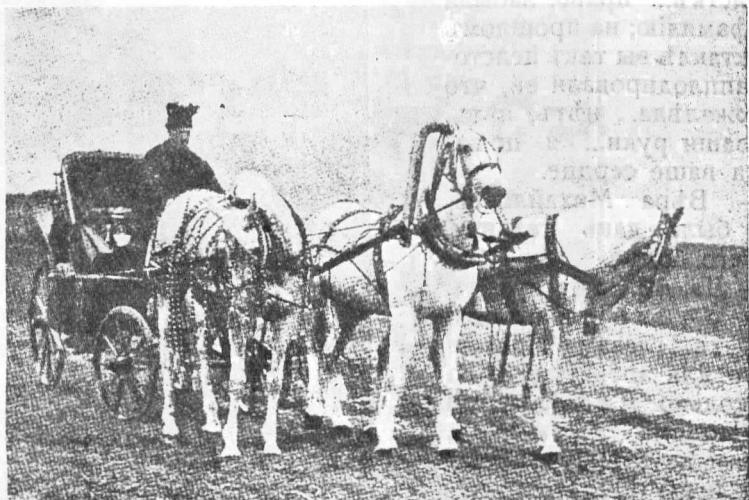
— Прости, моя маленькая богиня. Ты великолушна. Прости!

Черезъ часъ Вѣра Михайловна идетъ домой со свиданіемъ; на ея щекахъ горятъ поцѣлуи Бориса Петровича, и въ ушахъ звучитъ его страстный шепотъ: „До завтра“.

Она тихо проводитъ платкомъ по пылающимъ щекамъ и думаетъ нѣжно:

— „Синеморскія... „Авиата“... Но „Верхоторская компания“ взлетитъ выше всѣхъ... Милый, милый!

Бѣлая облачка бѣгутъ другъ за другомъ по синему небу. Стрекозы носятся среди зеленыхъ кустовъ. Соловей пробуетъ запѣть гдѣ-то по близости, но благоразумно смолкаетъ: кто

Бѣлая тройка.

знаетъ, не жалѣть ли лѣсной чемпіонъ расходовать свои трели бесплатно, не ждетъ ли, чтобы его пригласили на гастроли какой-нибудь садовый антрепренеръ?

Въ нашъ практическій вѣкъ всего, чего угодно, можно ждать даже и отъ соловья.

А. Грузинскій.

Канибалъ—бѣлому пѣннику. Будешь ты, наконецъ, работать, или ты думаешь, что ты засѣешь только для єды? („Flieg. Bl.“).

Ботаническій садъ ветеринарного института.

Теперь, когда въ Харьковѣ находится сѣхавшія сюда комплексы народныхъ учителей, слушающихъ естественные науки и, между прочимъ, ботанику, считаю умѣстнымъ еще разъ обратить вниманіе публики на нашъ маленький учебный ботаническій садикъ. Занимая дворикъ ветеринарного института, онъ такъ малъ, что многіе, слышавшіе о немъ, придя, спрашиваютъ, да гдѣ же у васъ садъ, представляя подъ именемъ ботаническаго сада непремѣнно что-либо вродѣ парка, засаженного разнообразными цвѣтами и деревьями, гуляя среди которыхъ можно проходить незамѣтно цѣлья версты. Конечно, такого рода сады очень интересны, но они подъ силу лишь правительственнымъ учрежденіямъ. Всякій научный садъ требуетъ содержанія въ образцовомъ порядкѣ, а это стоитъ очень дорого и не подъ силу ни среднѣ-учебнымъ заведеніямъ, ни каѳедрамъ вродѣ каѳедры ветери-

нарного института, весь бюджетъ которой вмѣстѣ съ содержаніемъ садовника не превосходитъ 600 руб. Большинство ботаническихъ садовъ нашихъ учебныхъ заведеній имѣтъ бюджетъ въ пять или даже десять разъ большій, но, къ сожалѣнію, именно, благодаря своей обширности, не удовлетворяетъ своей задачѣ. Для учебнаго сада его малая величина есть скорѣе достоинство, чѣмъ недостатокъ, такъ какъ здѣсь, не сходя почти съ мѣста, сидя за книжкой, ученикъ имѣеть возможность видѣть всѣ семейства и всѣ интересныя въ біологическомъ отношеніи формы сгруппированными, какъ въ музеѣ учебныхъ пособій, рядомъ. Имѣя въ виду занятія студентовъ, которые работаютъ въ маѣ и въ сентябрѣ, въ саду института сгруппированы главнымъ образомъ растенія, цвѣтущиа въ эти мѣсяцы; но и среди лѣта тамъ можно найти множество интересныхъ цвѣтушихъ формъ, подобраныхъ по семействамъ. Преслѣдуя исключительно учебная цѣли, организованный примѣнительно къ читаемому и изданному курсу, садъ при недостаткѣ мѣста не могъ, конечно, гоняться за рѣдкостями, и потому пришедшему ихъ незачѣмъ искать. Однако, и обыкновенный любитель растеній, если дастъ себѣ трудъ его посѣтить, можетъ увидѣть нѣсколько формъ, мало распространенныхъ въ Харьковѣ, какъ серебристую липу, японскіе бананы, древнѣйшее изъ хвойныхъ—гінко съ листьями, не боящуюся солнца бегонію, красиво цвѣтущіе многолѣтники степей, почему-то не разводимые въ нашихъ садахъ зимующіе юкки и кактусы, карликовый бамбукъ изъ Гань-Су, перенесшій почти безъ покрышки 30 градусовъ мороза, эдельвейсъ и изображенную на нашемъ рисункѣ группу исполинскихъ гречихъ и ревеней. Въ саду растутъ самые большие и высокіе въ Харьковѣ волошкіе орѣхи и конскій каштанъ, которые никогда въ нашемъ городѣ не достигаютъ такихъ громадныхъ размѣровъ. Интересующіеся осмотрѣть садъ, даже когда переднія ворота съ Сумской закрыты, пройдя во дворъ, могутъ всегда обратиться къ садовнику.

Проф. А. Красновъ.

